

ЛИТЕРАТУРА

1. Бетехтина Е. Н. Фразеологизмы с библейскими именами (в русском и английском языках) / Е. Н. Бетехтина. – СПб., 1999.
2. Бирих А. Из истории русских библейских выражений / А. Бирих, Й. Матейшич // Русский язык за рубежом. – 1994.
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М., 2001.
4. Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс) / А. В. Кунин. – М., 1970.
5. Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки по фразеологии / В. М. Мокиенко. – Л., 1986.
6. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб., 1996.
7. Смит Л. П. Фразеология английского языка / Л. П. Смит. – М., 1998.

Н. А. ТРОФИМОВА,

доктор филологических наук, доцент

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПРИ СОВЕРШЕНИИ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ ПОРИЦАНИЯ

Порицание представляет собой отрицательную оценку действий партнера, нанесших в той или иной форме вред говорящему или третьему лицу. Это особый комплексный мотивно-оценочный речевой акт, способный каузировать состояние эмоционального дискомфорта у собеседника. Планируемый перлокутивный эффект высказываний порицания заключается в изменении поведения адресата в лучшую сторону.

Структура и характер порицания во многом зависят от того, в каком направлении статусных отношений оно используется. Возражая мнению В. И. Карасика, который полагает, что порицание возможно лишь в случае неравенства статусов (когда вышестоящее лицо выносит отрицательную оценку действиям нижестоящего) [Карасик, 2002: 154], мы считаем, что порицание может выражаться при статусных отношениях сверху вниз, снизу вверх или в общении равно-статусных партнеров.

Статусные отношения «сверху вниз», обладая определенным модусом распределения уважения и презрения, собственной значимости говорящего и неполноценности адресата, являются основополагающими для порицания. Целью такого порицания всегда является четкая аффективная поляризация, разделение Я и ты/Вы. Компетенцию одного из партнеров порицать определяет традиционная ролевая асимметрия, например, в ситуации «родитель»-ребенок» (*Ist das ein Anstand? Herumrennen. Zufällig hereinschauen. Geld ausleihen und wieder verschwindn. Das hätt ich einmal bei meine Eltern machn solln!*

(*Konsalik*)) или в ситуации «старший по возрасту»-младший по возрасту», при этом социальная дифференциация может нивелироваться, как в следующем речевом фрагменте, где молодой барон порицается простым лесником, значительно превосходящем его по возрасту, то есть устанавливается нестандартная иерархия участников общения: *Sie tun nicht gut daran, nur an sich zu denken, Herr Baron, Menschen sind keine Ware, über die man beliebig verfügen kann (Buchner)*. Традиционной является ролевая асимметрия и в ситуации «руководитель»-подчиненный»: *Was ist Ihnen da nur eingefallen, Isabel? Mrs. Wilding ist hier. Meine Frau versucht sie zu beruhigen. Was glauben Sie, was uns diese Geschichte für Schwierigkeiten bereiten wird (Vandenberg)*.

Порицание сильных странным образом темперируется. Они скорее коварно сдержанны, чем открыто агрессивны. Высоко-статусный говорящий довольствуется намеками, которые не нуждаются в пояснении, поскольку они абсолютно достаточны и показательны, как дистинктивные сигналы собственной избранности. А избранным не нужна травля, они избегают открытых и прямых обвинений, этим они неприкасаемо возвышают себя над толпой. Пример тому следующее высказывание, внешне безобидное, произнесенное с соблюдением всех правил вежливости. Но оно является ядовитым порицанием-обвинением в ситуации, когда абсолютно уверенный в своей правоте и торжестве справедливости рабочий выступает за права таких же, как он, на собрании «акул бизнеса»; прервав пламенную речь бунтаря, председатель собрания просто задает вопрос: *Darf ich fragen, Herr Holtmann, welche Ausbildung Sie genossen haben? (Konsalik)*, который для адресата, не имеющего, разумеется, за спиной ни гимназии, ни университета, равнозначен инвективе, практически уничтожившей его. Примечательно, что после ухода поверженного «революционера» победитель как ни в чем не бывало продолжает собрание: *Meine Herren, nach diesem Intermezzo, das es nicht wert ist, im Gedächtnis behalten zu werden, gehen wir zu dem Punkt 1 der Tagesordnung über (Konsalik)*, еще раз демонстрируя свою независимость от взглядов и мнений низкостатусных партнеров, выражая мотивно-оценочное отношение пренебрежения, вызываемое опять же осознанием говорящим своего превосходства над адресатом по социально-статусному аспекту, то есть говорящий считает, что адресат не имеет для него значимости, недостоин его внимания и интереса. Причина этой относительной отчужденности налицо: она состоит в превосходстве властных ресурсов, которое позволяет избранным почти не использовать средства диффамации и сдерживать собственные аффекты. Тому, у кого за спиной положение, имущество и закон, не нужно особенно напрягаться, чтобы утвердиться в своей власти, он ограничивается пассивным цементированием своего статус-кво.

Но случается и так, что и представители избранного социума становятся более радикальными в порицании. Это происходит, если они чувствуют угрозу своему положению, и если им отказано в уважении, тогда порицание становится агрессивным: *Mit einem solchen Menschen rede ich nicht mehr! Ich werde mich nicht mehr an einen Tisch mit ihm setzen. Ich lehne es ab, überhaupt noch zu verhandeln, solange dieser Herr da ein Wort mitzureden hat! (Konsalik)* – негодующее порицание того же высокопоставленного лица, которого на переговорах о распределении крупных финансовых средств тот же представитель рабочего комитета предприятия обвинил в серьезных денежных махинациях. Эмотивно-оценочное отношение, выражаемое таким порицанием, является устойчивым, интенсивным и определяется как социальное презрение [Графова 1991: 72]. В качестве эмоционального компонента презрения выступает палитра активных эмоциональных состояний – от раздражения до ярости. В этом случае порицание может прямо переходить в инвективу.

Разумеется, порицание в случаях субординированных отношений не всегда воспринимается нижестоящим серьезно, поскольку в некоторых ситуациях оно является, скорее, ритуальным, которое просто должно иметь место. Мы назовем такое безобидное порицание, воспользовавшись термином Ф. Кинера [Kiener 1983: 134], «театральным громыханием». Оно сродни ситуации с котом и поваром («А Васька слушает, да ест»): вышестоящий бушует, нижестоящий продолжает выполнять осуждаемое действие, и глазом не моргнув. Например, бессильное порицание госпожой очень преклонного возраста своего молодого веселого слуги за постоянное подтрунивание над ней и отсутствие, на ее взгляд, должного уважения с его стороны: *Sie wagen es, mich auf den Arm zu nehmen? Sie sind wohl Kommunist geworden? Ich schicke Sie nach Moskau! (Konsalik)*.

Порицание при статусных отношениях «снизу вверх» строится по другим законам. Низкостатусный партнер выступает в этом случае в роли лающей собаки, которая не кусает. Не кусает именно потому, что лает. То есть порицание снизу вверх – это эрзац «кусания», который, однако, требует определенной доли решимости и мужества. Примером такого порицания может служить следующий фрагмент: *Ich protestiere gegen die Verwendung der Spendegelder für den Zehenausbau. Das Spendegeld hat voll den Waisen zuzuliefern. – Protestieren Sie nur! (Konsalik)*. При выражении приведенного порицания говорящий выступает в роли крыловской Моськи, а адресат, зная, что дальше бессильного «тявканья» дело не пойдет, отмахивается от говорящего и от ситуации в целом как от назойливой мухи.

Порицание «снизу вверх» очень индивидуализировано: объектом порицания являются отдельные лица, которые не рассматриваются как

представители какой-либо группы. Порицают конкретного представителя «обратных», а не одного из них. Индивидуальная направленность такого порицания выражается в первую очередь посредством обращения *Ich habe mir sagen lassen, Herr Dr. Vittingsfeld, dass Sie bei Lugano eine Sevilla für 150000 Mark gekauft haben. Mit Geld aus Aufsichtsratsgehältern und Aktiendividenden. Es wäre sinnvoller, diese Bezüge zu kürzen und die gewonnenen Beträge für die Sicherheit der Bergleute einzusetzen (Konsalik)*. Перспектива изменений, связанная с таким видом оппозиции, чаще всего очень ограничена, она не распространяется дальше имени персонажа. В структурных изменениях и применении власти, как правило, не заинтересованы серьезно.

Эмотивно-оценочное отношение в порицаниях «снизу вверх» можно определить как этическое презрение, в котором социальный статус говорящего и адресата не является релевантным, так как говорящий оценивает адресата как личность с моральных, а не социальных позиций. Презрительное отношение может выражаться младшими по возрасту или положению старшим, слугой хозяину. Если же рассматривать соответствующее взаимоотношения на уровне социальных ролей (без учета личностного фактора), то «в норме» дети должны относиться к родителям с почтением, слуги – служить своему господину, а не выносить суждения о его поступках, по крайней мере, не открыто и демонстративно.

Эмоционально-оценочное отношение при порицании в ситуациях общения близких родственников следует определить, вероятно, как рациональное неодобрение, недовольство или осуждение: говорящий, зная нормы одобряемого поведения адресата и ориентируясь на эти нормы, считает, что адресат не соответствует им. Такое порицание редко характеризуется сильными «зачаком страстей», оно касается чаще всего бытовых стандартов (беспорядок), социальных явлений (пьянство), поступков, действий или событий, виновником которых явился адресат. При традиционном распределении семейных ролей родителями адресат порицания реагирует на иллокутивную часть высказывания, возмущаясь просто фактом того, что младший в принципе осмелился сделать ему замечание, осудить (даже справедливо!) *Lass das, Vater! Man kann nicht alles auf die Kleinen abwälzen. – Wie redest du mit mir? Was soll das? (Konsalik)*.

При совершении речевого действия порицания речь не идет об обязательной институциональной статусной асимметрии. Компетенция порицать может быть одномоментной, ситуативно обусловленной, то есть порицать может один из равноправных партнеров, который в ситуации «сейчас и сейчас» считает себя вправе (как правило, оправданно) высказать неодобрение по поводу действий или поведения адресата *O Gott, Skipper. Es ist ja anstrengend, nett zu dir zu sein*

(Graham); *Reden Sie nicht solchen Unfug. Man soll das Schicksal nicht heraufbeschwören (Bergner)*. Говорящий на момент произнесения порицания берет на себя психологическую роль Родителя (он присваивает себе право на оценку, авторитетность) и роль Взрослого (правильность оценки, трезвый анализ ситуации) [Берн, 1988].

При порицании равноправного партнера возможно выражение всех видов эмотивно-оценочного отношения – презрения (в случае нарушения адресатом морально-этических норм, например, при предательстве: *Du sollst der erste gewesen sein, der die weiße Fahne rausgehängt hat, du Verbrecher! (Noll)*), пренебрежения (при отсутствии интереса говорящего к адресату или отсутствию ценности адресата для говорящего: *Ich finde dich lächerlich, Bernd. Aus dem Stadium der Schülerliebe solltest du heraus sein (Konsalik)*), доброжелательного порицания (при положительном отношении говорящего к адресату и снисходительном отношении к его недостаткам: *Sie benehmen sich wie ein böser, unerzogener Junge, Bernhardt (Konsalik)*), осуждения (если адресат, по мнению говорящего, сознательно и целенаправленно нарушает определенные нормы поведения и межличностных отношений: *Du bist ein Mensch, der nicht leben dürfte, Luigi. Das ist meine ganz private Meinung. Überall gibt es solche Menschen, wie dich. Sie schaden uns allen, denn die anderen denken, wir sind alle so (Konsalik)*). Основопологающим фактором является прагматическая ситуация, определенная констелляция ее компонентов и испытываемая говорящим гамма эмоциональных состояний (гнев, ненависть, злость, неудовольствие и т. п.).

Самопорицание или отрицательно-оценочный рефлексив является, по мнению психологов, действием того же порядка, что и действия по отношению к другим людям или действия других людей по отношению к ним. «Человек может ругать, хвалить, оправдывать или прощать самого себя так же, как и другого человека... Часто люди ругают себя за собственные поступки даже прежде, чем о них узнают другие» [Шибутани, 1969: 81]. Примечательно, что отрицательная самооценка, особенно преувеличение ее степени, является наиболее эффективным средством показать скромность и требовательность к себе (парадокс: такое порицание сродни самопохвале): *Ich habe nie gesagt, dass ich vollkommen bin, Smilla (Hoeg) = Ich bin sehr bescheiden, weil ich nie gesagt habe, dass ich vollkommen bin, denn ich weiß, was vollkommen sein heißt*.

Но самопорицание может быть использовано и в других целях. Его ценность в межличностных отношениях существенно зависит от коммуникативной функции этого речевого акта в диалоге и ожидаемого перлокутивного эффекта. Опосредованной целью самопорицания может быть, например, косвенный запрос совета: если говорящий

порицает какое-то присущее ему качество, свое поведение или выполненное им действие, результаты которого, по его мнению, еще можно исправить, то логично предположить, что он ждет от партнера совета, рекомендации по изменению этого отрицательно оцениваемого положения дел; такая рекомендация является совершенно естественной реакцией партнера: *Ich war zu hart zu ihr. Von allein wird sie nie den Weg zu mir zurückfinden, fürchte ich. Ich hätte mehr Rücksicht auf sie nehmen müssen. Ich verstehe heute nicht, dass ich damals so völlig versagte. Ich hätte mir doch unbedingt sagen müssen, Manfred, dass die Frau, die ich lieben nicht ganz so herzlos und egoistisch handeln konnte, wie ich angenommen hatte – Die Entscheidung darüber kannst du verschieben, bis du sie wiedergefunden hast. Du musst sie einfach finden, hörst du? (Uhl)*. Если партнер не реагирует сразу, то совет можно запрашивать эксплицитно: *Ich war töricht und tat mir selbst leid, anstatt an Simone zu denken. Was kann ich denn nur tun? Rate mir doch, Manfred (Uhl)*.

Как показывают приведенные речевые фрагменты, отрицательная оценка в таком самопорицании выражается дескриптивно – называются объективные качества, вызывающие недовольство говорящего.

Целью самопорицания может быть также профилактика отрицательной оценки партнера, которую ее адресат – говорящий рассматривает как более или менее неизбежный акт и который может отрицательно повлиять на отношения между ними. Различия отрицательная самооценка и самокритика являются в первую очередь предпочтительными, чем порицание партнером. За счет отрицания своих ошибок, говорящий поддерживает свое положительное лицо и освобождает партнера от необходимости высказывать свою отрицательную оценку: *Hier trifft nur einen Schuld, und zwar mich. Ich habe mich so sehr daran gewöhnt, gute und treue Männer um mich zu haben, dass ich die Fähigkeit eingebüßt habe, mich selbst zu schützen (Matzuoka)*. Такой вид самопорицания освобождает отношения от груза оценивания и является поэтому наиболее эффективным способом их сохранения и поддержания.

Самопорицание может реализовывать и интенцию извинения: и в этом случае, как и в предыдущем, говорящий маркирует свое поведение или действие отрицательной самоквалификацией и одновременно эксплицитно или имплицитно извиняется, освобождая тем самым партнера от необходимости порицать его за нанесение вреда: *Ich bin heute, wie ich mich wie ein Idiot benommen (Rome)*. Самобичевание функционирует здесь как своего рода наказание за нарушение, адресату не нужно ничего другого, как вынужденно акцептировать имплицитно извинение.

Результатом косвенного самопорицания, побуждающего к положительной оценке партнера. Такая странная, на первый взгляд, реакция служит,

по сути дела, оправданием самопорицающего говорящего; партнер, желая сохранить положительное лицо говорящего, выполняет роль утешителя, лояльного судьи: *Alles ist einzig und allein meine Schuld. Meine Nachlässigkeit hätte Euch beinahe das Leben gekostet. – Du bist doch nicht einmal dabei gewesen. Wie kannst du dich da der Nachlässigkeit bezichtigen? (Matzuoka)*. Преувеличенная отрицательная самооценка, которая действительно имеет основания, побуждает адресата высказывания к возражениям, так что внимание фокусируется именно на последней, положительной оценке говорящего. Интенсивное утешение, оправдание говорящего принимают иногда даже форму похвалы: *Ich bin Euer Oberster Leibwächter. Ich habe zugelassen, dass Ihr Euch ohne mich in Gefahr begeben. Und das war unverzeihlich. Du hast damals deinen Standpunkt sehr deutlich vertreten. Trotz deiner und Shigerus Proteste habe ich dir befohlen zurückzubleiben. Du hattest keine andere Wahl (Matzuoka)*. Это самопорицание отличается своей абсолютной необоснованностью, поэтому ему легко возразить. Но более или менее явно выраженное побуждение партнера к положительной оценке выводит на передний план отрицательные последствия самопохвалы.

Эмотивно-оценочное отношение, выражаемое в самопорицании, можно определить как неодобрение, которое релевантно в любом акте коммуникации, безотносительно к ситуации общения, мотивам и интенциям говорящего. Как правило, неодобрение в самопорицании не является очень эмоциональным, оно скорее сдержанно огорченное: *Ich habe etwas getan, was sich nie mehr rückgängig machen lässt. Ich war töricht und feige, Carsten (Uhl)*. Более сильная степень порицания и эмоциональности приводит к более интенсивной отрицательной самооценке – самоинвективе, сопровождаемой выражением эмотивно-оценочного отношения самоуничижения.

При отсутствии публики самопорицание, предметом которого являются морально-нравственные качества говорящего, может служить средством его собственного ободрения, побуждения к продолжению начатой деятельности: *Ich mach mich selbst noch narrisch! Ich verlier doch sonst net so leicht die Nerven! (Brunner)* – говорящая порицает себя за то, что позволила себя запугать, поддалась на уловки обидчиков, имеющих целью заставить девушку уехать. Самопорицанием она поддерживает в себе намерение остаться, не отказываться от достижения поставленной цели.

Наблюдения показывают, что в зависимости от статусных отношений партнеров трансформируется интенциональная структура порицания: разные варианты порицания как бы накладываются друг на друга, давая в сумме порицание, которое по своей интенсивности сильнее каждого из них в отдельности, поскольку в игру вступают сразу несколько оснований эмотивной оценки. Однако, как правило,

один из видов порицания доминирует, а остальные дополняют и усиливают его

Когда субъект оценки занимает привилегированное положение в возрастной иерархии, доминирует интенция назидательного порицания, ругания: *Du kleiner Jammer Bub, du! Komm einmal zu mir. Wie kannst du mir so unvorsichtig sein? Bimah hätten wir dich jetzt überfahren! (Tyran)* выказывающие порицания произносятся в ситуации «взрослый – ребенок», малыш справедливо порицается за игру на проезжей части дороги, которая едва не стоила ему жизни.

Когда порицает социально «выбранный», то он не снисходит до ругания или упрёка, он пренебрежительно или пренебрежительно обвиняет адресата в чем-либо, несоответствующем его представлениям о норме, укапывает ему на его место: *Sie sind von einer herausfordernden Frechheit (Konsalik)*. Интересно в этой связи вспомнить замечание И. В. Бессоновой [Бессонова, 2003: 9] о происхождении слова *verweisen*, которое в древнегерманском языке имело значение *strafen*, то есть предполагало наличие порицательных полномочий говорящего. Наказание словом означало и существительное *scelta*, современное *Schelte*, также предполагающее осознание говорящим своего превосходства по отношению к адресату.

При порицании одного из равных партнеров на передний план выходит интенция упрёка. Говорящий, как правило, входит в личную сферу собеседника – объекта оценки. Тесная связь говорящего и слушающего друг с другом позволяет одному из них взять на себя компетенцию оценивания: *Hast mir wehgetan. Es schmerzt höllisch. Warum hast du das getan? Und warum schaust du mich so störrisch an? (Bergner)* – порицается измученная ревностью невеста общительного и всеми любимого молодого человека, пришедшего к ней с ласками и получившего вместо ожидаемого ответного поцелуя сильный укус мститель ему за все на свете девушки.

Обвинение предполагает ситуацию, в которой объект оценки признается виновным в чем-либо, вернее, говорящий приписывает ему вину, имея преимущество быть невинным, которое и дает ему компетенцию обвинять. Так как акты морального воздействия, к которым относится обвинение, имеют ситуативную природу и не требуют специальных формальностей для установления нового качества партнеров (здесь права говорящего выносить обвинительные суждения), то это один из немногих подвидов порицания, которые допускают любые статусные отношения с точки зрения социальной или возрастной характеристики партнеров. То есть равноправный партнер может обвинить собеседника в нарушении норм или в нанесении вреда. Но он вряд ли возьмет на себя роль назидателя, моралиста, поскольку такая роль, нарушая максимум скромности, равнозначна самопохвале и может при-